

Обновление~ Эм... Э-э-э, ничего особенного, только не бейте по лицу.

Ши Ичжи рассчитал время идеально. Только я вернулся в усадьбу и передел одежду, пропахшую сладкими духами, как следом с молебна из храма вернулись мои родители и младшая сестра Лань. Отец, увидев, как я крадусь, сгорбившись у входа, тут же вытянул лицо, словно лошадь, и ударил палкой, осыпая меня бранью.

— Щенок сучий, сегодня я тебя прибую! Ни дня покоя ты мне не даёшь! Зачем только я такого беспутного на свет произвёлся? Не сидишь дома, не раскаиваешься — опять куда-то прётшь, беду накликаешь?!

Я метался по двору, спасаясь от отца, и, улучив момент, завопил матери:

— Мама! Он назвал меня щенком от суки! Он тебя обозвал!

Мать тут же рявкнула:

— Ах ты, старый похабник! Сегодня сколько ты моему сыну надаёшь, столько же я тебе вправлю!

Моя мать — женщина грозная. Родилась в семье военных, на поле боя бывала. Двадцать пять лет назад её широкий меч свистел в воздухе, и обычный мужик под её ударами и тридцати приёмов не выдерживал. Мой отец не был обычным мужиком — он держался до пятидесяти.

Всему есть управа. Услышав слова матери, отец занёс палку, да так и замер, а потом нехотя опустил её. Я воспользовался передышкой, юркнул в спальню, захлопнул дверь на засов и подпер её тремя-четырьмя стульями.

И настала благодатная тишина.

Лёжа на кровати, я вновь и вновь обдумывал сегодняшние слова Ши Ичжи и Се Цзина, и постепенно до меня стало доходить — Государь меня надул.

Как и говорил Се Цзин, покушение на Государя было настоящим, и гнев его тоже был настоящим. Только гневался он не на меня. С самого начала Государь и не думал меня казнить. А зачем было затевать всю эту кутерьму — не знал даже Се Цзин, мне же и вовсе было не догадаться. К тому же, раз уж многие отправились на тот свет именно из-за излишней осведомлённости, мне показалось куда безопаснее оставаться в неведении.

Вместо того чтобы ломать голову над мыслями императора, я больше размышлял об отношениях между Ши Ичжи и Се Цзином.

Пусть первые пару лет Ши Ичжи Се Цзина и не жаловал, но времена меняются. Стоило посмотреть, как он сегодня за выпивкой ухаживал за Се Цзином, — трудно было не заподозрить неладное.

Ши Ичжи — парень ветреный, сладкие речи так и льются с его языка. За эти годы полегло у его ног несть числа всяких цветочков-травок. Да к тому же он образован, говорит, цитаты из классиков вставляет, — наверное, с Се Цзином им было о чём поговорить.

Ворочаясь с боку на бок, я наконец с горьким сожалением вынужден был признать: понять, что у Ши Ичжи на уме, я не могу. Но если он всерьёз вознамерится отбить у меня человека, то победа за ним, мои же шансы ничтожны.

Чем больше я думал, тем больше тосковал, а чем больше тосковал, тем ярче всплывал в памяти светлый, ясный образ Се Цзина. Нет уж, Ши Ичжи — противник серьёзный. Лоб в лоб с ним не сойтись, нужно придумать иной способ, обходной манёвр, чтобы одержать неожиданную победу.

Кстати, а ведь у Се Цзина желудок не в порядке, верно?

Говорят, с желудком не шутят. Завтра схожу в лавку целебных трав, куплю ему дикого ямса и кодонопсиса, ещё фиников да семян лотоса — пусть кашу себе варит, желудок лечит. Ах да, насчёт каши... Помнится, в «Обители Бессмертных» пшённую кашу отменно готовят. Не как у простых людей: там пшено промывают, замачивают в курином бульоне и томят на медленном огне, добавляя ещё имбирную соломку да морской огурец. Сытно, но не приедается. Должно быть, Се Цзину понравится.

Ладно, чего ждать до завтра? Случай — не птица, поймаешь — и сидишь. Лучше сегодня. До темноты куплю всё, что нужно, и, если потороплюсь, ещё по дороге смогу перехватить Се Цзина. И прямо при Ши Ичжи ему всё и вручу. Конечно, деньги у нас всех есть, и эти подарки для Се Цзина — сушая безделица. Но всё же знак внимания.

Много раз я стоял на пороге смерти, и лишь сейчас прозрел: живёт человек на свете от силы сто лет. Раз уж посчастливилось встретить того, кто по-настоящему дорог, то даже если не суждено быть вместе, нужно хотя бы попытаться, чтобы Се Цзин узнал о моих чувствах.

Спрыгнул с кровати, убрал стулья, открыл дверь. Старики во дворе всё ещё препирались, но, увидев меня, оба умолкли. Мать бросила оба веника и крикнула:

— Сыночек, ты куда это опять собрался? Отец твой, конечно, горяч, но правду говорит: ты ведь под следствием, негоже тебе по городу шляться.

Я заткнул уши. Хоть отец теперь и не так враждебно к Се Цзину относится, но о моих тайных чувствах к нему он в курсе. Скажи я напрямую, что иду к Се Цзину, отец точно помешает. Так что лучше...

— Это... Ши Ичжи живот прихватило. Пойду навещу, лекарств ему куплю.

Отец хмыкнул, стукнул палкой о землю:

— Ну ладно. Иди. Только смотри, сразу возвращайся.

Я ослабилась, кивнул, заложил руки за спину и важно зашагал к воротам. Замер на мгновение — и дал дёру. Со двора донёсся яростный рёв отца:

— погоди! Да у Ичжи никогда живот не болел! Ах ты, щенок! Вернись! Смеешь меня обманывать?!

Я поковырял в ухе, закатил глаза и помчался через всю улицу.

Сначала заскочил в «Обитель Бессмертных», заказал пшённую кашу, велел поставить на медленный огонь. Потом — в аптеку, взял кодонопсис. Набрал всякой всячины, вернулся в «Обитель» — каша как раз готова. Попросил хозяина аккуратно разлить по горшочку, упаковать в переносной судок. И радостный, с судком в руках, отправился перехватывать Ши Ичжи и Се Цзина по окончании их дел.

План был хорош. Но не прошёл я и двух шагов с судком, как на повороте в меня врезался маленький нищий. Мальчишка поскользнулся, ткнулся мне в грудь. Мал, да удал — судок выбил из рук, тот грохнулся оземь и покатился. Вся каша досталась богине земли.

Это же каша для Се Цзина... Каша для Се Цзина... От столкновения я опешил, все мысли были только о пролитой каше. Пока не раздался неподалёку крик: «Держи вора!!!» Тут я очнулся, сунул руку в рукав — ни монетки.

В «Обители Бессмертных» на варку одной порции пшённой каши уходит минимум полчаса. Судя по небу, вернуться и купить новую уже не успею.

Проклятый воришка-сопляк.

Только я погрузился в уныние, как навстречу мне, беседуя и смеясь, вышли Се Цзин и Ши Ичжи. Увидев меня, оба замерли. Ши Ичжи приподнял бровь:

— Разве не домой ушёл? Что это ты тут уставился на пролитую кашу?

Я застыл на месте, долго мямлил, а потом сунул Се Цзину в руки все свёртки с травами:

— Это... это лекарства для желудка. Я... я тебе купил. И каша на земле тоже для тебя была, но какой-то воришка столкнул... Я... в другой раз куплю.

Се Цзин в некотором недоумении принял свёртки, выслушал меня, и в глазах его медленно проступила улыбка:

— Потрудился. Спасибо.

Снег только растаял, весна вступала в права. От этой улыбки Се Цзина у меня тут же две с половиной души из трёх вылетели, а оставшаяся половинка еле держалась. Я глупо заулыбался:

— Не за что, не за что! Я ещё много чего вкусного и полезного для желудка знаю. Если Цзыхэ не побрезгует, как-нибудь вместе...

Я глупо ухмылялся, Се Цзин мягко улыбался, а Ши Ичжи закатил глаза:

— Обжора.

— Ты же говорил, что тебя обокрали? Кроме денег ничего не пропало? Проверь ещё разок.

Напоминание Ши Ичжи заставило меня вспомнить о туфле, которую я потерял месяц назад. Нынче за всем нужно зорко следить, терять нельзя. Пошарил по рукавам, по полам халата — и фраза «ничего не пропало» застряла в горле.

Вроде как кое-что прибавилось.

Я вытащил из-за пазухи листок бумаги, пробежал глазами — и не смог сдержать нахмурившегося лба. — Что это? — Ши Ичжи заметил неладное, спросил и шагнул ближе, но я ловко увернулся.

Аккуратно сложил бумагу и сунул обратно за пазуху:

— Пустяки. Рецепт для желудка из аптеки.

Ши Ичжи кивнул, затем повернулся к Се Цзину и поклонился:

— Я пойду с Шэньли. Ещё увидимся.

Се Цзин улыбнулся:

— Ещё увидимся.

На том и порешили. Жаль только каши, что досталась богине земли.

Мы с Ши Ичжи шли рядом, и он, что для него редкость, молчал, словно воды в рот набрав. Я вспомнил, как он сегодня назвал Се Цзина «Цзыхэ», и не выдержал:

— С каких это пор вы с Цзыхэ так сблизились? Раньше ты его не жаловал, всегда по имени-фамилии величал.

Ши Ичжи взглянул на меня:

— То было раньше. Теперь я знаю, что он и вправду хороший чиновник. Называть по имени — невежливо.

Я сказал:

— Ага.

Ши Ичжи поводит глазами и вдруг тихонько рассмеялся:

— Знаю, он тебе сердцем дорог. Любовь к прекрасному — чувство всеобщее. Но обретать его надлежит праведными путями. — Намёк был прозрачен: успокойся, я с тобой соперничать не стану.

<http://bllate.org/book/15934/1423836>